

Он был более наблюдательным, и когда У Чжаоди поселилась в доме Цуй Чжэньсяна, тот сказал, что она подруга Цуй Миньцая. Но теперь, глядя на ситуацию, во всём чувствовалось что-то неладное — он всё ещё боялся думать об этом, но уже предчувствовал.

Цуй Миньцай и У Чжаоди взглянули на Лу Минлана и Чжао Лицзюнь, но оба отвели глаза: один молчал, другая плакала, словно решили притвориться глухими и немыми.

Чжао Лицзюнь задрожала, руки, обнимающие Цуй Чжэньсяна, тоже дрожали.

Цуй Чжэньсян поднял голову:

— Мама?

У Чжаоди вытерла слёзы, встала и с искренностью сказала:

— Сестра Чжао, всё уже случилось, и техникум — это тоже хорошо, там будут деньги. Многие крупные бизнесмены вышли из техникумов — это я виновата перед тобой, перед вами.

Цуй Миньцай достал сигарету, закурил и затянулся.

Чжао Лицзюнь всё ещё дрожала, глаза её были прикованы к ней:

— Ты, ты убирайся!

У Чжаоди слегка изменилась в лице:

— Сестра Чжао...

Чжао Лицзюнь указала на дверь:

— Вон отсюда!

У Чжаоди грудь вздымалась, она посмотрела на Цуй Миньцая. Цуй Миньцай ничего не сказал, лишь взглянул на людей в комнате, замешкался, потом тоже подошёл прогонять её:

— Уходи, уходи, уходи, уходи...

У Чжаоди тут же повысила голос:

— Ты меня выгоняешь? Цуй Миньцай, ты смеешь меня выгонять?!

Цуй Миньцай холодно посмотрел на неё:

— Здесь учитель и одноклассники Чжэньсяна, что ты творишь? — пробормотав ругательство, он вытолкнул У Чжаоди за дверь.

У Чжаоди казалось, она всё ещё плакала, и когда её выталкивали, по ветру донеслось:

— Я ведь всё для тебя делала.

Потом голос Цуй Миньцая тоже понизился, не то чтобы ругая, скорее утешая её, чтобы она соблюдала приличия.

Чэнь Наньнань выглядела очень плохо. За несколько минут она уже догадалась, кто такая У Чжаоди. Цуй Чжэньсян поспешил хлопнуть мать по спине, успокаивая, а Лу Минлан налил ей

воды, чтобы она выпила и успокоилась.

Чжао Лицзюнь выпила воды, лицо её немного улучшилось. Шэн Цзяньмин осторожно сказал:

— Тётя Чжао, они...

Лу Минлан схватил его за руку и покачал головой.

В глазах Цуй Чжэньсяна мелькнула свирепость, он схватил мать за руку, опустился на колени перед ней и, подняв голову, посмотрел на неё:

— Мама, ты разведёшься?

Фарфоровая чашка в руке Чжао Лицзюнь с звоном упала на пол, не разлетевшись осколками, а лишь раскололась на несколько частей.

Чэнь Наньнань вздрогнула, Лу Минлан поспешил послать Шэн Цзяньмина за совком, а сам взял веник, чтобы подобрать крупные осколки и подмести мелкие.

— Мама, ты разведёшься? — Цуй Чжэньсян, словно ничего не замечая, всё ещё стоял на коленях и спросил снова.

Чжао Лицзюнь сузила зрачки, дрожа, сказала:

— Чжэньсян, ты понимаешь, что говоришь?

Цуй Чжэньсян ответил:

— Я понимаю, что говорю. Я спрашиваю тебя: ты разведёшься?

Он не был дураком. Холодность Цуй Миньцая к Чжао Лицзюнь началась давно, а потом У Чжаоди вошла в их дом, и Цуй Чжэньсян это заметил — но он не говорил, потому что мать молчала. Но сегодня он не мог стерпеть, просто не мог проглотить это! К тому же, после случившегося Цуй Миньцай всё равно был на стороне У Чжаоди — разве он утешил Чжао Лицзюнь, когда она дрожала и была готова упасть в обморок? Он лишь ударил У Чжаоди по щеке, а потом про всех в доме забыл и заботился только о своей любовнице.

Цуй Чжэньсян чувствовал, как внутри него горит огонь, он точно не мог это проглотить!

Чжао Лицзюнь погладила его по щеке, слёзы потекли ручьём:

— Если действительно развестись, что же ты будешь делать?

Цуй Чжэньсян загорелись глаза: обычно слабая мать тоже об этом думала.

— Я могу тебя содержать! Я могу тебя содержать!! — он стиснул зубы. — Я не позволю тебе здесь страдать.

Слёзы у Чжао Лицзюнь полились сильнее, но она покачала головой. Прокормить семью не так просто, как думал Цуй Чжэньсян. К тому же одних сплетен хватило бы, чтобы задушить их с сыном.

Шэн Цзяньмин и Лу Минлан переглянулись. Чэнь Наньнань помогла Цуй Чжэньсяну встать и тихо сказала:

— Поговорите с сыном спокойно, обдумайте всё, не будьте импульсивными, сначала хорошо обсудите...

Если Чжао Лицзюнь сейчас разведётся с Цуй Миньцаем, Цуй Чжэньсяну придётся не только кормить семью, но и платить за учёбу в университете. Цуй Чжэньсяну всего восемнадцать, он ещё не сталкивался с жизнью, и Чэнь Наньнань не хотела, чтобы его раздавило социальное давление, работа слишком тяжела.

Шэн Цзяньмин убрал совок, а когда вернулся, услышал, как Чжао Лицзюнь говорит Чэнь Наньнань:

— Учитель Чэнь, у Чжэньсяна такая высокая оценка, а он идёт в техникум, мне так больно на душе.

Шэн Цзяньмин подбежал:

— Нет ли другого способа?

Чэнь Наньнань покачала головой:

— Результат уже вышел, какой уж тут способ.

Лу Минлан вспомнил своего отца — тогда он устроил его в Университет А. Его оценка после пересдачи отличалась от проходной в Университет А всего на три балла, так что разницы с нормальным зачислением не было. Если бы попросить Лу Чжунсуна устроить Цуй Чжэньсяна — но Лу Чжунсун приедет только в будущем году, к тому же Цуй Чжэньсян не провалился, он подал в другое место. Его дело, вероятно, уже занесено в базу техникума, а условие покупки места — поданные документы и разница в баллах в пределах пяти. Лу Минлан не знал, как Лу Чжунсун тогда это сделал, Лу Минхао не набрал баллов, но его всё равно устроили и записали. Если бы только деньги, у него были бы деньги, а если нужны связи, то сейчас у него совсем нет выхода! К тому же специальность, в которую записали Лу Минхао, была ни о чём, и если бы Цуй Чжэньсяна записали, это было бы лишь громким названием.

— Третий, может быть... — Лу Минлан не успел договорить, как снаружи кто-то ворвался:

— Лу Минлан, Лу Минлан здесь?

Лу Минлан удивлённо обернулся, все в доме уставились на ворвавшегося.

— Твой отец, твой отец вернулся! — вестник сиял, словно это была великая радость. — Он в городе разбогател, Минлан, твой отец хочет забрать тебя в город наслаждаться жизнью!

Лу Минлан почувствовал не радость, а сомнение.

В прошлой жизни Лу Чжунсун приехал после его пересдачи, а теперь приехал на год раньше, что вызвало у него опасения.

Шэн Цзяньмин схватил Лу Минлана за руку, взволнованно:

— Старший, твой отец вернулся? Твой отец действительно вернулся?!

Чжао Лицзюнь вытерла слёзы, Цуй Чжэньсян тоже с радостью посмотрел на Лу Минлана.

Чэнь Наньнань поспешно спросила пришедшего:

— Отец Лу Минлана уже здесь?

Пришедший ответил:

— Уже здесь, он уже вернулся домой!

Чэнь Наньнань тут же сказала:

— Минлан! — её глаза тоже загорелись.

Лу Минлан обернулся, посмотрел на Чэнь Наньнань, а затем задержал взгляд на Чжао Лицзюнь.

Цуй Чжэньсян тут же сказал:

— Старший, не беспокойся обо мне. Дядя вернулся, иди встречай дядю!

Шэн Цзяньмин сказал:

— Я побуду с Третьим.

Лу Минлан замешкался, похлопал их обоих и сказал Чжао Лицзюнь и Чэнь Наньнань:

— Тётя Чжао, учитель Чэнь, я сначала пойду посмотрю на отца.

— Иди, иди, — ответили они в один голос, и даже мрачное выражение лица Чжао Лицзюнь чуть отпустило, слёзы были вытерты насухо.

Лу Минлан сжал губы, вышел из дома Цуй Чжэньсяна и, пройдя десяток шагов, по дороге встретил Цуй Миньцай и У Чжаоди.

У Чжаоди сидела под большим деревом за пределами двора Цуй, а Цуй Миньцай, одной рукой опираясь на дерево, другой держал сигарету и курил.

Спиной к спине, выглядело так, будто между ними тоже был конфликт.

Лу Минлан лишь скользнул по ним взглядом, словно не видя, и прошёл мимо, остановившись в нерешимости у порога своего дома. Многие соседи уже пришли, и стоя у двери, он услышал шум и гам внутри.

— Минлан, Минлан!! — Лу Чжунсун был одет в кожаную куртку, на шее висела золотая цепь, а на большом пальце — толстое серебряное кольцо, которое слепило глаза. Увидев Лу Минлана, глаза Лу Чжунсуна вспыхнули ярче золота и серебра, он, крича, растолкнул толпу, большими шагами подошёл и крепко обнял его:

— Молодец, так давно не виделись, не похудел!

Лу Минлан сказал:

— Папа... — он замолчал, потом спросил:

— Как ты вернулся?

Лу Чжунсун рассмеялся:

— Заработал денег, конечно, вернулся. — Он положил руку на плечо Лу Минлана и повёл его к соседям.

<http://bllate.org/book/16627/1522755>